

ДОННА ФРЕЙТАС

перевод Елены Николенко

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
РОУЗ
НАПОЛИТАНО

роман

МИО

* * *

2 марта 2008 года

Роуз, жизнь 3

Она прекрасна. Потрясающее совершенство. Аромат ее кожи пьянит.

— Адди, — вздыхаю я и снова пытаюсь прошептать имя в стерильном воздухе палаты: — Аделаида... Аделаида Луц.

Наклоняюсь к крошечной макушке и нюхаю, долго и жадно, не обращая внимания на резкую боль в животе. Улыбаюсь, наслаждаясь мягким пушком волос.

Как же я противилась появлению этой крохи... До беременности и родов разгневанно твердила, что меня заставляют рожать, — Люку, маме, Джилл, каждому, кто готов был слушать. Незнакомцу в метро, ничего не подозревающему прохожему. Я просто ужасно злилась.

И что же теперь?

На окна больничной палаты мокрыми хлопьями ложится снег. В тусклом свете все вокруг выглядит серым. Я сажусь немного левее, удобнее. Снаружи холодает, хлопья становятся сухими и падают густо, словно порошок.

Малышка спит.

У нее мои глаза.

— И как я могла не хотеть тебя? — шепчу я в крошечное тугое ушко, жемчужную раковину. — Какой была бы моя жизнь, если бы мы не встретились? Зачем мне такая...

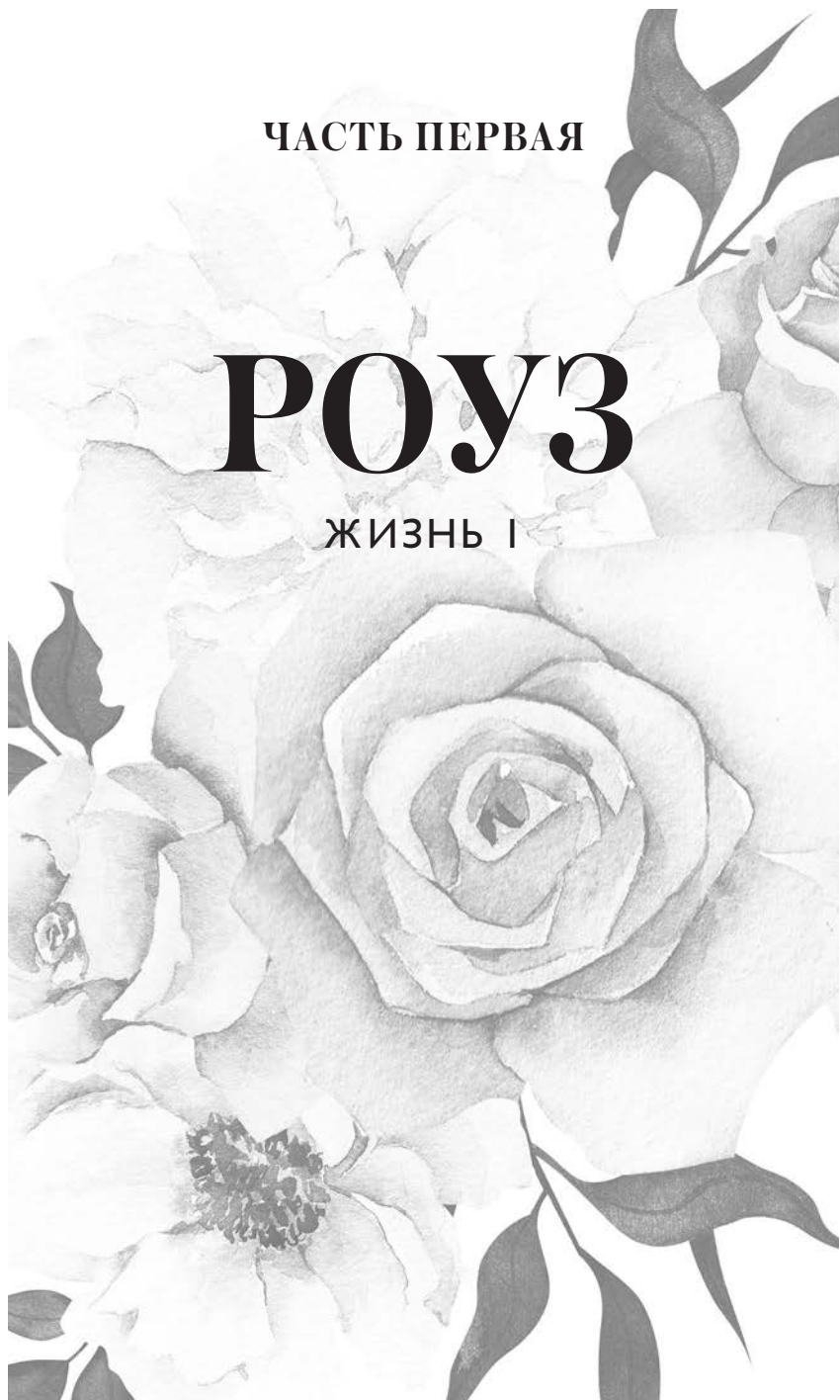
Бледные, с прожилками капилляров прозрачные веки трепещут. Носик, рот и лоб сморщиваются.

— Слышала, что я сказала, милая? Знай одно: твоя мама не хочет жить жизнью, в которой нет тебя. Только это.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОУЗ

ЖИЗНЬ I

ГЛАВА I

15 августа 2006 года

Роуз, жизнь I

Люк стоит с моей стороны кровати, куда обычно никогда не подходит. В руке — банка с витаминами для беременных. Он трясет ее, как пластиковую погремушку.

Звук глухой и тяжелый — банка полна.

В том и проблема.

— Ты же обещала, — спокойно говорит Люк.

Ого, да у меня неприятности.

— Иногда забываю принять таблетку, — признаюсь я.

Он снова трясет банкой, как маракасом.

— Иногда?

Лучи солнца, падающие сквозь занавески, обрисовывают контур его тела; рука, высоко поднявшая предмет, столь оскорбивший мужа, очерчена светом и сияет.

Я застыла в дверях нашей комнаты, куда шла достать одежду из комода и шкафа. Самые обыденные вещи: белье, носки, топ и джинсы. Как в любое другое утро. Я хотела унести их в ванную, чтобы принять душ и переодеться, а теперь стою, скрестив на груди руки, и сердце так и колотится от обиды и злости.

— Ты что — сосчитал их, Люк?

Мой вопрос как холодный сквозняк в теплом августовском воздухе.

— А если и так, Роуз? Если сосчитал? Будешь меня винить?

Поворачиваюсь к нему спиной и открываю длинный ящик, где хранится нижнее белье: лифчики, трусы, топы. Роюсь в вещах, нарушая порядок. Все выходит из-под контроля. Сердце бешено стучит.

— Ты обещала, — говорит Люк.

Я беру трусы — самые закрытые. Хочется кричать.

— Будто обещания в нашем браке что-то значат...

— Это нечестно.

— Очень даже честно.

— Роуз...

— Да, я не принимала таблетки! Я не хочу ребенка! Никогда не хотела, не хочу и не захочу. Ты знал это еще до помолвки. Я тысячу раз тебе говорила. Миллион раз!

— Ты согласилась принимать витамины.

— Я сказала это, чтоб ты прекратил меня мучить. — Глаза застилают слезы, хотя внутри все пульсирует от ярости. — Сказала, потому что хотела немного покоя.

— То есть соврала.

Уронив трусы на пол, я поворачиваюсь к мужу и подхожу к кровати, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Ты клялся, что не хочешь ребенка.

— Я передумал.

— Ну правда. Конечно. Фигня какая. — Я на всех парах несусь под откос, мы вместе несемся, и я не знаю, как остановить катастрофу. — Передумал ты, а соврала я.

— Ты сказала, что попытаешься.

— Я сказала, что буду пить витамины. На этом все.

— Но не пила!

— Пила немного.

— Сколько?

— Не знаю. В отличие от тебя, я не считала.

Люк берет банку обеими руками, давит ладонью на крышку, проворачивает, открывает. Заглядывает в отверстие.

— Она полная, Роуз. — Он снова смотрит в мою сторону, качая головой.

Меня захлестывает его недовольство.

Кто этот человек? Это его я любила, вышла за него замуж?

Я почти не вижу сходства между ним и тем мужчиной, который смотрел на меня, словно я единственная женщина во Вселенной, смысл его существования. Мне нравилось быть такой для Люка. Быть для него всем. Он тоже всегда был всем для меня — мужчиной с нежным задумчивым взглядом, с самой дружелюбной и открытой улыбкой. Я верила, что стану любить его до скончания дней.

Внутри меня, как мотыльки, что не в силах найти выход, бьются слова: «Но я люблю тебя, Люк...»

И вместо того, чтобы обезвредить бомбу, я взрываюсь: выбиваю у Люка банку. Рука словно бита, ударяет сильно и высоко. Большие овальные таблетки разлетаются радугой уродливых зеленых «Скиттлз», рассыпаются по полу и белым простыням кровати.

И мы с Люком сразу будто застываем. Губы у него слегка приоткрыты, виднеется край острых белых зубов.

Взгляд следит за таблетками — таблетками, что превратились в символы успеха или неудачи нашего брака, будто они — крошечные буйки, которые я должна была проглотить и таким образом удержать наши отношения на плаву. Но я их упустила — и мы пошли ко дну. Единственный звук в комнате — наше дыхание. Глаза Люка широко распахнуты. Его предали.

Он считает, это я его предала, и доказательство тому — дурацкая банка витаминов.

Почему муж не понимает, что это он меня предал? Передумав насчет детей, Люк лишь показал, что сама по себе я ничего не стою.

Опомнившись, он идет к углу комнаты, куда укатилась банка. Наклоняется и поднимает ее. Берет с пола одну витаминку, зажав пальцами, потом другую и опускает назад в банку. Они звонко ударяются о дно.

Я просто стою и наблюдаю, как Люк наклоняется и выпрямляется, наклоняется и выпрямляется, пока все витамины не возвращаются на свое законное место. Даже те, что ускакали под кровать. Люку приходится приподнять одеяло, чтобы отыскать их, лечь на пол и с усилием дотянуться.

Закончив, он смотрит на меня обвиняющим взглядом.

— Как меня угораздило жениться на единственной женщине в мире, которая не хочет ребенка?

Я делаю резкий вдох.

Вот.

Вот оно.

То, о чем Люк думал целую вечность, наконец прозвучало вслух. Дело не в том, что я не хочу ребенка. Это он знал с самого начала. Меня коробит от явного сожаления

в голосе мужа. От того, что Люк назвал меня неповторимой, но в самом худшем смысле.

Мы стоим и смотрим друг на друга. Я жду извинений, однако они так и не звучат. Сердце колотится, в голове крутится вопрос Люка, а кроме него — куча моих собственных вопросов. Почему я не могу быть как все женщины, которые хотят ребенка? Почему я не такая? Почему создана иной?

Под конец жизни обо мне так и скажут?

«Роуз Наполитано *так и не стала матерью*».

«Роуз Наполитано *не хотела иметь детей*».

Люк тарачится в пол. Поднимает крышку, громко ее защелкивает. Я тянусь к банке... Тянусь к нему.

ГЛАВА 2

14 марта 1998 года

Роуз, жизни 1–9

Не люблю фотографироваться.

— Можете посмотреть на меня?

Глаза, голова, подбородок — все во мне противится этой просьбе.

Я из тех, кто избегает ока камеры, прячется за соседей. Тех, кто выставляет руку перед объективом, когда он нацелен в мою сторону. Есть и другие причины, по которым я не должна быть сейчас здесь, где меня фотографируют в шапочке и мантии выпускника. О чем я только думала?..

— Кхм, Роуз?